

ВИТАЛИЙ
АВЕРЬЯНОВ

СТРАТЕГИЯ
РУССКОЙ ДОКТРИНЫ

ЧЕРЕЗ ДИКТАТУРУ К ГОСУДАРСТВУ ПРАВДЫ

С Л У Ж И Т Ь   Р О С С И И

Виталий Владимирович Аверьянов

Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к государству правды

Серия «Служить России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21432984

*Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к государству
правды: Книжный мир; Москва; 2014
ISBN 978-5-8041-0721-6*

Аннотация

Россия явила в истории опыт правильной, жизнеспособной империи. Западный секулярный проект с его мнимыми толерантностью и гуманностью по отношению к «иным», навязывает окружающему миру совершенно ненужные ему представления, модели поведения, установки, порою не просто чуждые, а прямо кощунственные и безобразные с традиционной точки зрения. Запад не способен осуществлять свою экспансию без подрыва традиции и традиционных ценностей других культур. Россия должна не «угодить» всему миру, не подладиться под сложившуюся мировую ситуацию, но использовать ее для воссоздания гармоничного порядка, для отвоевывания

культурного и жизненного времени и пространства для нашей Традиции-Цивилизации. Мы не считаем, что в прошлом России существовал некий «золотой век», который заслуживает слепого поклонения и к которому необходимо вернуться. Скорее мы пытаемся реконструировать Россию такой, какой она могла бы быть, если бы ей не помешали разворачивать ее национально-государственную традицию. Иными словами, мы стараемся в русской истории увидеть те нити, которые связывают ее вопреки всем переломам, вопреки смутным временам и революциям, и эти нити протянуть в сегодняшний день. Напор жизненных сил нашего народа в начале XX века был огромен, и тогда вождь и государство могли использовать этот демографический, волевой, антропологический подъем русского мира. Сегодня мы видим упадок русского мира. В нашу эпоху методы должны быть филигранными, а лидер должен быть виртуозом, чтобы решать подобные задачи с наименьшими затратами. Автор и издатель благодарят действующий при Изборском клубе аналитический центр «КОПЬЕ ПЕРЕСВЕТА» за поддержку при осуществлении данного издания.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	52
Третий полюс[7]	52
От Думы к Собору[8]	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Виталий Аверьянов
Стратегия Русской
доктрины. Через диктатуру
к государству правды

© В.В. Аверьянов, 2014

© Книжный мир, 2014

Предисловие

Стратегия органической России¹

Россия сегодня нуждается в чем-то вроде «принципата Августа», режима, который покончит с бесконечно самовоспроизводящейся гражданской войной и смутой

*Искать мудрость вне себя – верх глупости.
Книга изречений, XV в.*

Империи и революции

У противников стабильности и порядка накопилось слишком много претензий к нынешней российской власти. Они грозят в случае продолжения тактики Путина покончить с его режимом. Чтобы исключить наводнение, которого ожидают и накликают буревестники «новой революционной волны» в России, необходимо, на мой взгляд, воссоздать эффективный метод организации национальной жизни: власти стать на последовательно консервативные позиции, вооружиться **доктриной консервативных преобразований**, в том числе отобрать у потенциальных разрушителей стабиль-

---

¹ Данная статья стала одним из программных текстов, легших в основу коллективного труда «Русская доктрина». Впервые напечатана в журнале «Политический класс», № 4, 2005.

ности главные «козыри», которые они смогли бы использовать в своей игре.

Сегодня «революционерам» становится все сложнее и сложнее выдавать себя за поборников пламенных идей справедливости и прогресса, все очевиднее их негативистский, сводящийся к разрушению и отрицанию дух. Если на Украине конца 2004 г. этого не осознали, так это в силу отсталости, неискренности тамошних масс. Очевидно, что сутью «оранжевого движения» было не созидание новой Украины, а одномерная задача – свалить режим Кучмы, свалить старое правительство.

Характер новейших «революций» нетворческий – они представляют собой силу инерции в истории. Особенно для вдумчивого наблюдателя это заметно сейчас – когда новая глобальная империя расширяет свою периферию не через созидание, но **через разложение** иерархически более высоких структур – через упрощение и смешение иных государств с многовековой политической традицией... В сущности своей «революция эпохи постмодерна» ведет к бесконечному воспроизводству ситуации, к стагнации. Напротив, слова «реакция», «реакционеры» обретают в наши дни творческий смысл. В этом есть глубокая правда².

---

² В своей книге «Природа русской экспансии» (2003) автор предложил отказаться от понятия «революция» в качестве объяснительной схемы русской социальной истории. События 1905, 1917 гг. в этой книге рассматриваются в качестве элементов второго Смутного времени, понимаемого как строгое социально-историческое понятие (первое Смутное время происходило в 1598-1613 гг., второе

России необходимо политическое творчество. Переход к стратегическим решениям в политике невозможен без отказа от плоскостной, двухчленной модели, унаследованной от эпохи «биполярного мира». Фактически дилемма «реваншизма» – «либерального западничества» воспроизводит именно советские «интернационалистические» схемы (на все время пытаются вписать в универсальный проект: марксистской революции, социал-демократического переустройства мира, «нового порядка» Третьего Рейха, позднесоветского «сдерживания», и вот теперь – неолиберальной глобализации). Однако мир уже более чем десятилетие назад перестал быть биполярным. Мы просто потеряли право на то, чтобы описывать современность в терминах прошлого. Поэтому нам нужен не столько «реванш» (повтор былого величия), сколько «новая Россия», «иное будущее», такое величие, которого еще никогда не было.

Мир радикально меняется. Возникают новые динамично развивающиеся полюса мировой политики, оспаривающие монолог американского полюса с его беспримерной агрессией (после деконструкции СССР число американских военных интервенций, не говоря уже об их «гуманитарной» и

– в 1905–1921 гг., третье – в 1985–2000 гг.). В 2004 г. автор продолжил эти параллели, показывая, в частности, в серии статей на APN.RU, что исходя из логики истории политика президента Путина должна была бы представлять собой современную версию преодоления последствий Смутного времени, подобного той государственной работе, что осуществлялась в XVII веке Михаилом Романовым или в XX веке Сталиным.

«подрывной» интервенциях, возросло едва ли не в десять раз). Во-первых, европейская интеграция формирует принципиально новую геополитическую реальность. Во-вторых, динамично развивающийся Китай, подтягивающиеся за ним страны Третьего мира создают новое качество мировой политики. В-третьих, исламский мир чреват самыми неожиданными всплесками активности и, во всяком случае, способен как на консолидацию, так и на вступление в коалиции с иными, неисламскими, цивилизациями. Объективно необходимо переходить от двухмерных к открытым пятимерным (и даже более того) моделям мироустройства. И количественные, статистические измерения, попытки вычислить сравнительный потенциал различных цивилизаций, кем бы они ни проводились, сами по себе никак не могут опровергнуть этой истины о наступлении эпохи новой многофакторности, о новой цивилизационной пестроте, в которую вступает мир в XXI веке.

Предрассудок первый:

В рациональной сфере мы никак не можем отказаться от непродуктивной дилеммы: интеграции/неинтеграции в западный мир. Настоящие векторы развития России пролегают не здесь.

Однако в сознании «элиты» России до сих пор одним из определяющих остается предрассудок о дилемме «интеграции/неинтеграции» нашего геокультурного пространства по отношению к «первому» полюсу мировой силы. Русскому

человеку уже скучно думать об этом, идея интеграции в западный мир слишком понятная, «слишком человеческая», даже унылая. С этой идеей в голове можно прожить год-два, но с ней невозможно жить 10 и более лет, если, конечно, ты не получаешь за это зарплату в международных фондах (то есть не становишься профессиональным «демократом» и «вестернизатором»). Идеи интеграции или изоляции, глобализма или антиглобализма – это не наши идеологии, не имеющие к нам тесного отношения, не способные стать идейной системой, описывающей наш цивилизационный организм и его реальные нужды.

Другим предрассудком, связанным с первым, является миф о конце эры империй. Фактически, мы имеем дело с устаревшим романтизмом эпохи разложения западных колониальных систем и «холодной войны». Однако, реальность гораздо суровее. Оказывается, империи не распадаются окончательно, они разрушаются и вновь создаются в новых конфигурациях, на смену одной империи приходит другая. В истории еще никогда не было периода ослабления и распада всех империй. Наоборот, действует закон: если какая-то империя ослабевает, здесь нужно искать причиной активность другого цивилизационного очага. Советский Союз и выстроенная им международная система не давали возможности западному колониализму сохраниться или возродиться в новом формате. В этом смысле разрушение СССР было **местью** со стороны Запада за распад их колониаль-

ных империй – Британской империи, колониальных систем Франции, Бельгии, Португалии и т. д.

Иллюзия перехода «цивилизованных стран» к постимперскому процветанию – дурная и поспешная аналогия, сослужившая России недобрую службу. Миф о конце всех империй весьма настойчиво внушался элите СССР в конце 80-х годов, видимо, потому, что СССР рассматривался авторами этого мифа как «империя зла». Однако, вне стройного порядка и долгосрочной политической стабильности, которую способна обеспечить только имперская система (не важно, в демократической форме или нет) не может быть и длительного хозяйственного процветания. Даже стабильного режима соблюдения «свобод» и «прав» вне имперской системы не достичь.

Мир вновь движется в эру множества «цивилизационных миров», – не малых национальных государств по образцу европейских стран эпохи Просвещения, но больших сверхнациональных порядков. Сама Европа дает нам пример подобного имперского синтеза. Никакая риторика о демократических институтах не должна вводить нас в заблуждение относительно неоимпериализма глобальных проектов.

Специфика России в нынешней ситуации заключается в том, что она не позволяет двум западным проектам (атлантистскому и западноевропейскому) стать окончательно глобальными и возродить старую колониальную систему. Россия с ее ядерным оружием остается **фактором миродер-**

жавия, то есть сдерживания тех, кто стремится к мировому господству (эту свою миссию Россия уже неоднократно подтверждала). Сегодня фактически Россия позволила незападным цивилизациям (в первую очередь, Китаю) успеть окрепнуть настолько, что речь уже не идет об односторонней глобализации как побеждающем сценарии новой мировой империи.

Отказ от вторичности и пассивности

Мы должны осознать, что имеем на международной арене дело с несколькими живыми комплексами, органическими мирами. Здесь скрыты одновременно «вызовы» («угрозы»), но и «возможности», перспективы сотрудничества и даже «братства» с иными нациями и цивилизациями. Исламский терроризм как угроза России – это одна сторона медали; другая сторона – у русских есть уникальный опыт многовекового содружества и совместного строительства своей страны с мусульманами, есть и опыт плодотворного сотрудничества с исламскими странами Ближнего Востока. Китайское «просачивание» как угроза России – лишь одна сторона медали; другая сторона – мы нужны друг другу для экономического развития и мы способны дать друг другу то, чего каждому из наших миров не хватает (природные ресурсы и передовые технологии России нуждаются в рынках потребления и, что особенно важно, в рынках труда). Когда гово-

рят об опасности захвата Сибири китайской иммиграцией, забывают о возможности целенаправленного включения колоссальных людских ресурсов нашего соседа в воплощение **официальных** двусторонних проектов, созидательных инвестиционных и трудовых программ по обустройству наших дальневосточных территорий. Нельзя пускать на самотек то, что можно было бы взять под государственный и общественный контроль.

Принимая ценности американцев и европейцев (демократию, права человека, комплекс свобод, включение в их транснациональные институты и т. д.), Россия ставит себя по отношению к иным, незападным цивилизациям в позицию «вторичного придатка» западных проектов, несамостоятельного центра силы. Россия становится в таком случае проводником дальнейшей **атомизации** общества, **расчеловечивания** природы и традиции, встраивается в глобальный секулярный проект (внутри которого просматриваются протестантские и оккультные швы), подключается к работе плавильного котла глобализации, в котором все социальные миры обязаны утратить свое органическое измерение, разложиться на элементы «неживой природы».

Предрассудок второй:

Пора осознать, что время империй не прошло. Деколонизация XX века, осуществленная при активном подрывном участии соцлагеря и последовавшая за этим «месть» Запада – распад соцлагеря и СССР – не стали

«концом истории».

Напротив, если бы Россия попыталась выдвинуть собственную, традиционную, отвечающую духу русской цивилизации, систему ценностей, наши незападные партнеры восприняли бы ее как альтернативу глобализации. Надо учитывать тот факт, что для стран Востока, для этих древних тысячелетних культур, глобализм Запада выступает как **пародия на Традицию**. Русский же опыт примирения и сосуществования православной, исламской и буддистской культур в рамках одного государства, напротив, является поразительно перспективным и гармоническим.

Россия явила в истории опыт правильной, жизнеспособной империи. Западный секулярный проект с его мнимыми толерантностью и гуманностью по отношению к «иным», навязывает окружающему миру совершенно ненужные ему представления, модели поведения, установки, порою не просто чуждые, а прямо кощунственные и безобразные с традиционной точки зрения. Запад не способен осуществлять свою экспансию без подрыва традиции и традиционных ценностей других культур.

Миф о «международном терроризме», – новейший из инструментов лицемерной глобализации. Этот миф позволил США утвердиться в Передней Азии. И хотя власть в России использует этот идеологический конструкт для решения тактических задач, но стратегически мы от этого можем только проиграть. Запад стремится выиграть от глоба-

лизации подрывных технологий, и для этой цели он сам **становится террор-технологом.**

Если подтвердится версия о том, что террористическая война против России развязана именно Западом с целью давления и устрашения, то сотрудничество с Западом в антитеррористической коалиции становится нашим историческим позором. Миролюбие по отношению к террор-технологам – тактика недопустимая. Террор-технологи должны быть вычислены с высокой точностью.

На каждый Беслан и теракт помельче, те, кто «помогает» желающим «оторвать от нас кусок пожирнее», должны получить удесятеренный теракт в ключевых точках их жизнедеятельности. В этом смысле операция по устранению Яндарбиева – весьма удачная.

Предрассудок третий:

Мы ощущаем себя страной, попавшей в яму исторического коллапса. Но многие из наших ближних и дальних соседей ожидают, когда мы, наконец-то, очнемся от обморока собственной недооценки. И Запад, и Восток считают естественным, что мы вновь станем самостоятельными игроками, полностью выстраивающими свою модель политической самоорганизации.

Но достаточно ли наказывать исполнителей, когда сценаристы и технологи остаются за скобками кровавой борьбы? Вопрос риторический. Поэтому лучший и по-настоящему

му действенный способ одолеть терроризм – включить его в собственную систему в качестве одного из многих «фундаментализмов», составляющих империю народов и укладов, перенаправить жало террора против тех, кто его провоцирует.

Вряд ли технологам **террор-глобализации**³ удастся осуществить еще один раунд переворотов, который опрокинет правительства больших конкурирующих держав. Тем не менее, власти в России важно подготовиться к таким попыткам подрывного вмешательства в нашу политику, о чем речь пойдет ниже. Что же касается международной политики, то нужно сделать так, чтобы Ирак, Украина, Киргизия стали последними, поворотными пунктами безудержной террор-глобализации панамериканистов. Корея, Иран и Сирия в случае появления реальной угрозы интервенции, должны стать прямыми военными союзниками России – иначе тотальная «империя добра» обратит и саму Россию в «ось зла».

---

³ Под **террор-глобализмом** (TG-комплекс) автор понимает единый комплекс различных технологий управления хаосом в целях глобализации. Это не модернизация «теории заговора», а представление, согласно которому «мировой заговор» отсутствует, но мировой замысел, находящий свое воплощение в системе двойных стандартов в международной политике, действует в полном объеме. К TG-комплексу относятся как собственно террористические «войны», так и разнообразные технологии «сговора с элитами», «скупки элит» в обществах мировой периферии, а также формирование там подрывных проектов нового, «полу-спонтанного» типа («оранжевый фактор»). Подробнее см. в настоящем издании в статье «Геополитика больших скреп».

Демократия и государство-организм

Ситуация 2000–2004 гг. в России является вынужденным компромиссом, который может быть обозначен как либерал-консерватизм либо олигархический национализм. Путин пошел на этот компромисс, поскольку это был единственный вариант выхода из Смутного времени, отползания от края пропасти, над которой висела Россия в 90-е годы.

Либерал-консервативный компромисс можно уподобить политике НЭПа, который, как известно, Ленин рассматривал в качестве временного отступления для перегруппировки сил. Собственно именно так – как перегруппировку сил – следует понимать всю путинскую политику. Однако, «угар нового НЭПа» уже прокоптил Россию. Вынужденная реакция Путина подошла к моменту своего решительного самораскрытия: либо будут сделаны следующие шаги по пути нашей органической реакции, либо Россия опрокинется вспять.

Что означает в нынешних условиях здоровая творческая реакция нашей национально-государственной традиции? Означает ли эта реакция отказ от ценностей западной демократии?

Если рассматривать демократию как внешний инструмент воздействия на политику России, если видеть в ней фактор упрощения и примитивизации русской политиче-

ской традиции – то такая демократия должна быть отброшена прочь как ядовитая гадина. Наша политическая система стала жертвой тотального экономоцентризма. Она строится как абсолютный аналог рынка. Покупка и продажа статуса, сделки между группами интересов, наконец, сама власть как руководство холдинга, оказывающего «услуги населению»; выборы всех уровней осуществляют как инвестиционные проекты, – необходимо исправить эту аномалию.

К русской модели демократии, адекватной нашей цивилизационной специфике, мы пока еще не подступились. Проблема не в том, что демократия наша молода, – существует точка зрения, что русское самодержавие в Средние века было своеобразной формой демократии (не говоря уже об опыте «вечевых» республик Новгорода и Пскова или об общинной самоорганизации русских крестьян)⁴. Дело в том, что со-

---

⁴ К слову о старой «вечевой» демократии, она очень напоминала целым рядом своих черт современную Россию: диктат олигархической прослойки, сводящей на нет представление реальных интересов основных сословий общества; через подкуп «худых мужиков» олигархия осуществляла свою стратегию. По верному замечанию И.Л. Солоневича, *«Новгород был построен более или менее по ганзейскому типу: государство как торговый дом. Правительство как правление акционерного общества... Москва рассматривала каждую завоеванную или присоединенную область, как свою новую составную часть, как новую часть общего государства, а не как торгово-промышленное сырье, не как меховой или челядинный сырьевой рынок»* (Солоневич И. Народная монархия. – Минск, 1998. – С. 268). Старая новгородская «демократия» воспроизводила западный архетип «колонизации» иных племен, а не русский (московский) архетип **правильной империи**. Следовательно, олигархический вариант демократии явно не соответствует многовековой русской политической традиции.

временная наша демократия не вызвана процессами внутренней глубинной политической эволюции русских социальных структур.

В современных условиях диктата массовой информации власть капитала в политике становится угрожающей. Происходит молниеносное перетекание влияния капитала из экономики в политику. Схватка экономических группировок приводит не к органическому воспроизводству государства, а к механическому разрыванию его на куски, – государство рассматривается как пирог, а не живое целое.

Пока демократия в России не сделала нашу социальную систему более совершенной, чем она была раньше. Произошло **упрощение и разъединение**: фабрику разобрали на части, но не добились постиндустриального качества, напротив, опрокинули Россию по существу в доиндустриальную стадию, в «базар», на котором старые ценности обесценились, а новые просто не создаются.

Наш современный «базар» замкнут на воспроизводстве старого и даже на понижении его качества (рынок переполнен дешевым ширпотребом, быстро изнашиваемым товаром). По сути, вопреки либеральным догмам, рынок развивается не интенсивно, выступает как одна из форм социальной энтропии. Иными словами, для подлинного развития России «свободного рынка» оказалось явно не достаточно. Рынок представляет собой экономическое болото, и без импульсов извне лишь преумножает сам себя, но не созида-

ет нового и высшего качества. Происходит наводнение рынка иностранным барахлом при затормаживании собственной индустрии.

Рынок развивался бы по-настоящему не через циклическую саморегуляцию, но через прорывные стратегические проекты, которые сообщали бы ему инновационные импульсы и способствовали бы повышению качества товаров и интенсификации производства. Так же как и в любой другой системе, рынку необходимо волевое начало, вносящее в него динамику, меняющее его вертикальный объем.

Предрассудок четвертый:

Политическую жизнь у нас строят как аналог рынка, и это воспринимается как норма. Покупка и продажа статуса, сделки между группами интересов, наконец, сама власть как руководство холдинга, оказывающего «услуги населению»; выборы всех уровней осуществляют как инвестиционные проекты, — необходимо исправить эту аномалию.

Неорганическое восприятие России нашими политиками и чиновниками, неорганическое восприятие ее хозяйства «хозяйствующими субъектами» — тесно связаны между собой. Эта неорганическая стагнация декларирует себя как некую **стабильность**, на самом деле **ложную**. Олигархическая псевдостабильность в экономике воспроизводит себя и в псевдостабильности политической: с середины 90-х годов в России практически отсутствует вертикальная соци-

альная циркуляция, связанная с демократическими институтами. Выбирают депутатами одну и ту же когорту людей, не способных предложить ничего нового. Новые люди рекрутируются во власть через систему назначений, но не через систему демократических выборов (исключения из этого правила незначительны). С каждым годом все больше граждан России осознает абсурдность существующей системы выборов, в которых отчуждение избирателей от избранников становится катастрофическим. По существу и для власти, и для народа выборы становятся тягостной формальностью, добровольно взятым на себя ритуалом **поддержания приличий**.

Еще в 1990 году в своей знаменитой работе «Как нам обустроить Россию» А.И. Солженицын высказывал сомнения по поводу приемлемости для нашей жизни принципов «всеобщего-равного-прямого-тайного голосования». Этот современный демократизм Солженицын охарактеризовал как *«торжество бессодержательного количества над содержательным качеством. И еще, такие выборы („общегражданские“) предполагают неструктурность нации: что она есть не живой организм, а механическая совокупность рассыпанных единиц»*. «Опять же: принцип полного разделения законодательной, исполнительной и судебной власти – не без спорности: не есть ли это распад живого государственного организма? Все три распавшиеся власти нуждаются в каком-то объединяющем контроле над собой – если

не формальном, то этическом».

Президент Путин угадывает своим чутьем то магистральное направление, в котором должна двинуться теперь наша политическая система. В своем выступлении на расширенном заседании правительства после Беслана (13 сентября 2004 г.) Путин последовательно проводил метафору «государство – организм», «страна – организм». В речи Путина слово «организм» было произнесено 7 раз, Россия описывалась не как мертвая система, а как живое целое, причем органичность государства воспринимается не столько как данность, сколько как требование и задача: *«Органы исполнительной власти в центре и в субъектах Федерации образуют единую систему власти и соответственно должны работать как целостный соподчиненный единый организм. «Мы должны сделать нашу страну эффективным... организмом».* В этой же речи прозвучали другие знаковые слова: *«Ослабла страна и государство – и все вспыхнуло сразу. Это внутри каждого организма и каждого государства присутствует... Нам нужно наладить систему власти, управления страной, нам нужно создать эффективную экономику, нам нужно оздоровить весь организм российской государственности и экономической системы. Мы действительно идем по сложному, абсолютно неизведанному пути. Нам сейчас не нужно оглядываться назад и говорить, что были наделаны такие-то или такие-то ошибки. Давайте мы сейчас, на уровне нашей сегодняшней ответственности,*

будем действовать так, как мы считаем нужным... Не случайно мы сегодня много говорим о формировании властных структур. Ведь почему начало происходит заметное перетягивание одеяла в сторону федерального центра от регионов? Да потому что разрыв существует очевидный в этой единой системе исполнительной власти в стране. Ее действительно не было, и нет до сих пор, единой системы. Значит, она должна быть создана».

Ощущение Путина, что мы идем по неизведанному пути, что нужно начать строительство государства как бы заново – говорит о многом.

Идея супранационализма

Построение «органического» образа будущего для России не означает отказа от демократии. Однако мы имеем право на свой длительный и нелинейный путь к формированию политических институтов. Не исключено, что органическая русская демократия вполне сочетается и с монархией, и с авторитарными институтами власти. Никто не должен навязывать нам свои модели и заставлять нас пробегать свой исторический путь в каком-то невероятном темпе. Русские не варвары, Россия – тысячелетняя цивилизация, а не стран дикарей.

Президент у нас органицист – но он органицист без организма, который бы слаженно и четко выполнял распоряже-

ния своего центра. Внутри России-организма нужно создать живую систему власти...

Активное творчество новых политических форм выбьет все козыри из рук «революционеров», желающих под видом мнимой смены элит опрокинуть Россию в новую олигархическую стагнацию. У «революционеров» нужно перехватить идеи стратегического национализма, а также стратегии социальной справедливости. Это объединит и соберет народ вокруг власти. Правда ситуации в том, что власть сейчас **действительно способна** вернуть России идеи здорового духовного национализма и социальной справедливости, тогда как «революционеры» будут лишь использовать «правильные» лозунги, но в реальности ничего нового созидать не будут.

Итак, возвращение к здоровому национализму.

Интересы русских в России не противоречат интересам нерусских коренных национальностей. «Россияне» только теснее объединятся и солидаризуются между собой через признание и утверждение законных интересов русского ядра. Вопрос стоит так: либо вместе с русскими против разрушителей национальных интересов – или с разрушителями России при стыдливом умалчивании о правах, интересах и традициях русского ядра. Не надо умалчивать, не надо стыдиться, не надо бояться темы русского национализма в России. Не стоит бояться тех маргинальных групп, которые начнут кричать о фашизме и диктатуре в России. Они уже и сей-

час ворчат то же самое. Гораздо важнее наладить взаимопонимание с народными массами.

«Россиянство» – навязанный неверный ориентир, по своему происхождению «интернационалистический» – игнорирующий иерархию этнокультурных ценностей России. Это наше наследие от «советского прошлого», едва ли не худшее, что от него нам досталось. Нам нужна **не российская, а русская** модель государственности. Многие воспримут такую идею как исключаящий, «отрицательный» национализм коренного народа, однако речь идет о другом: выдвижении его в ядро нации как цементирующей общности, сознающей свои интересы. «Россия для русских» – выражение эпохи Александра III, которое необходимо лишить привнесенного в него в последние годы негативистского содержания. Сделать это на уровне словоупотребления не так уж сложно, как кажется на первый взгляд. Нужно вернуть в речевой обиход понятие «русские меньшинства». Мы должны говорить не «татары-россияне», «коми-россияне» и т. д., но: «русские татары», «русские коми», «русские евреи» и т. д. В былые времена прилагательные «российский» и «русский» были абсолютными синонимами. Поскольку ситуация изменилась, нужно обратиться к более четкому исконному прилагательному «русский», а прилагательное «российский» вообще употреблять как можно реже. Ведь те же «татары», если называть их «россиянами», не становятся от этого ни ближе к русским, ни ближе к себе. Называясь же «русскими та-

тарами», они почувствуют себя более значимыми и в своей принадлежности «России», народу и государству в целом, и в принадлежности к своему этносу.

Предрассудок пятый:

Мы всё боимся, что официальное признание русских ведущим национальным началом нашего государства, а православия – ведущим его духовным началом посеет какую-то рознь. Но это признание всегда было основанием крепкой имперской стабильности России. Не понимать этого – прямо-таки роковое обольщение.

Сделать такой знаковый переворот в словоупотреблении может только власть, и только власть может терпеливо объяснить обществу, что это правильно. Собственно русские в союзе с русскими этническими меньшинствами – это и есть **точная, честная формула исторической России**. Более того, эта формула означает вовсе не «узкий национализм», но совсем наоборот, она его исключает. Поскольку именно такая формула дает возможность мыслить Россию не как интернационал, но как добровольную супранациональную коалицию народов. Различие между интернациональным и супранациональным в политике является радикальным и чрезвычайно существенным. Интернациональная идеология предполагает «прогресс» человечества как постепенное растворение всех во всем, выведение нового межрасового типа, в конечном счете, полную этнокультурную энтропию, создание космополитического гуманоида, смешав-

шего в своей крови все, что можно было смешать. Супранациональная идеология скорее предрасполагает к национально-культурному разнообразию, и хотя смешанные браки она не отмечает, однако и не поощряет их. Супранационализм выступает скорее как союз самостоятельных народов против интернационализма, космополитизма, всесмесительной глобализации, нивелирования всех человеческих различий и особенностей. Для супранационализма сохранение национально-культурного своеобразия является высокой традиционной ценностью. Здесь возникает совсем иная формула «терпимости» – не «терпимости» всесмешения, проповедуемой просветительским проектом Запада, а «терпимости» нераздельного и неслиянного порядка, «терпимости» как **гармонии** разных и самостоятельных личностей и обществ. Не будет большим преувеличением сказать, что в советской империи под внешней догматикой интернационализма скрывались традиционные ценности супранационализма. И реальное сотрудничество советских народов объяснялось именно этим.

Через супранациональную идею можно сплотить пусть и не подавляющее большинство нации, но ее ядро, ее несущие тягловые слои. А это-то сейчас и нужнее всего.

Духовный океан православия

В споре западников и славянофилов в долгосрочной пер-

спективе западники не могли победить – потому что в славянофильстве под личиной исторически случайной мотивации «панславизма» (борьба с турецким игом, освобождение братьев-славян и т. п.) фактически скрывалась идейная система автохтонности, суверенности. Есть суверенитет юридический, существующий для удовлетворения правовых амбиций малых государств-наций, но есть суверенитет, наполненный более существенным содержанием – цивилизационный, основанный не на воле наций к самоопределению, а на доказавшей себя идентичности больших историко-культурных миров. России нужен решительный поворот к манифестации себя как суверенной цивилизации, имеющей собственный духовный стержень, собственную парадигму экспансии.

Таким духовным стержнем России является ее православная традиция, которая, подобно собственно-русскому ядру в этнической жизни России, образует фундаментальное измерение всей русской культуры. Православие в настоящем исконном значении слова не совпадает с понятием «православия как конфессии» (то есть внешнеюридической его стороной). Границы православия не проходят там, где проходят юридические границы Церкви. По природе духовная вера выше права и не может быть измерена правовым мерилom.

Попытки ряда представителей русской интеллигенции обосновать идею интеграции в западный мир тем, что мы все, дескать, принадлежим «христианской цивилизации»,

трудно признать адекватными. Исторически эта позиция не выдерживает критики: сближение с западным христианством пагубно для цивилизационной идентичности России. Католичество и протестантизм в отношении к православию являются опытом духовного «провинциализма» – и это несмотря на огромное число последователей западных христианских конфессий.

Западный религиозный провинциализм легко объяснить, если прибегнуть к метафоре океана и морей: православие Древнего Востока представляет собой океан христианской истины – Римская церковь обособилась от этого океана, подобно тому как Средиземное море обособлено от Атлантики. Но далее от Средиземного моря обособляется Черное и Азовское моря – им подобны в этом отношении протестанты, отпочковавшиеся от Римско-католической церкви. Для православного океана эти обособления выступают как своего рода ограничения истины, и хотя все мы христиане, однако, русские православные остаются открыты для всей полноты христианской истины, тогда как западным христианам необходимо преодолеть чрезвычайно узкий пролив своей конфессиональной обособленности, чтобы выйти на простор древлеправославной веры, то есть собственно апостольского, вселенского христианства.

Парадокс и непонятная многим миссия русского православия заключается в том, что в рамках пространства России (Евразии) оно вынуждено избегать смешения с запад-

ным «духовным провинциализмом», вырождающимся в секуляризм и оккультизм, однако оно встречается здесь с иными духовными океанами: иными мировыми традиционными религиями. Нехристиане оказываются нам ближе иных христиан, называющих так себя по имени, но по сути уже от Христа отошедших очень и очень далеко. Формула русского отношения к иным верам **проста и уникальна**, если сопоставить ее с западным миссионерством и прозелитизмом: мы с уважением принимаем традиционные верования своих братьев по государственности и исторической судьбе (в первую очередь наших соотечественников мусульман). А подлинное уважение невозможно симитировать.

Консервативные преобразования в духовной сфере России состояли бы в том, что традиционные религиозные общины были бы гораздо более адекватно представлены в системе государства, в сферах образования, воспитания, массовой информации, науки и культуры, чем это принято в так называемом «светском государстве», то есть в государстве, которое по умолчанию принимает за норму существующее положение дел вместе со всеми последствиями религиозных (антирелигиозных) реформаций и революций, псевдорелигиозных и оккультных диверсий и т. д. Честная конкуренция традиционных конфессий с нетрадиционными дала бы совсем другой результат ценностей и другую духовную ситуацию, чем нынешнее светское государство с его коррупцией и ангажированностью. Но и честная конкуренция религи-

озных традиций, если б она была возможна, ценность более чем сомнительная. Души людей – это не рынок, а если и рынок, то в самую последнюю очередь.

Мобилизация социальной правды

В верховной власти есть своя мистика, многим непонятная. Эта мистика, может быть, сводится к тому, что носитель верховной власти отождествляет себя со страной. Сохранение страны и сохранение власти над страной становится трудно различимым делом. Ведь носитель суверенитета, его личностное воплощение, который предполагает завтра отказаться от продления своей воли, по существу «сдает» и самое страну в другие руки. Это своего рода бегство с корабля, которое предполагает незаинтересованность в дальнейшем движении корабля тем же курсом и вообще в его выживании (иными словами, получается, что «демократия» с постоянной сменой власти пагубна для страны без глубоко укоренившейся элиты, без продуктивной, незастойной стабильности). Если же возобладает принцип суверенности – то сохранение режима личной власти означает и сохранение корабля, и стратегическое прочерчивание целостного курса в будущее.

В этом смысле для консервативного мировоззрения не слишком важно, какой именно механизм избирает власть для закрепления суверенитета и стабилизации существую-

щего режима. В политической практике России существовали разные методы решения этой проблемы: многие русские императоры меняли существующий порядок престолонаследования, исходя из сложностей конкретной ситуации. В советский период власть предпочитала избегать рисков, связанных с перемещением политических рычагов из одних рук в другие, с помощью создания новых форм и конфигураций верховной власти: например, переход функций от предсовнаркома к генсеку, сочетание высших постов в лице одного руководителя и т. д.

Сейчас наиболее популярная рекомендация в адрес власти: наделить главу правительства в России фактически президентскими полномочиями, совместить высшие посты и тем самым элегантно уйти от необходимости ломать голову над пресловутой «проблемой 2008». В контексте консервативных преобразований такое решение представляется половинчатым. Более последовательный путь: создание принципиально новых институтов и форм верховной власти – при этом действительно можно сохранить выборную должность президента. Верховная власть может и обязана во имя России опереться на новые вертикальные структуры, не связанные с общенациональными выборами. По сути это означает отказ от панамериканистской модели «президентской власти».

Безотносительно выборов и всевозможных тактических сложностей просматривается только один последовательный

выход — власть должна сама бросить клич социальной правды, предложить народу реализацию чувства **социальной правды**. Она должна призвать активное здоровое население, во-первых, в элиту («делайте карьеру!»), во-вторых, в реальный сектор экономики через учреждение масштабных проектов. Это должна быть идеология не «потребительского общества», не «свободного рынка», который сам за нас все вспашет и засеет, но идеология национального развития, волевого проекта, опирающегося на сознательно выстраиваемый «образ будущего». Мечта русского гражданина не должна описываться схемами телевизионной рекламы, нереалистическими потребительскими ожиданиями, надеждой на выигрыш, свалившийся с неба — мечта должна быть связанной с созидательными проектами, в которых у него **есть возможность** участвовать. При этом мечта должна пробуждать в русских чувства солидарности, напоминать им об их исторической общности, пробуждать желание стать ближе друг к другу, своим соседям и сослуживцам.

Ключевой аспект социальной мутации нашего общества лежит в сословии чиновников, которые рассматривают **службу как потребление**. Потребительские установки, которые чиновничество воспроизвело и в преумноженном виде направило в толщи нашего народа, породили уродливые сдвиги традиционных социальных ролей. Смутное время создало условия, с одной стороны, «отпуска всех на волю», когда никому ни до кого нет дела, с другой стороны,

спонтанной классовой войны, когда сильные обирают слабых. Наиболее ярко «война классов» олицетворялась в стихии русского бандитизма 90-х годов. Несомненно, криминальный слой нашего общества вобрал в себя многие продуктивные, жизнеспособные человеческие ресурсы. Много провинциальной молодежи, потенциальных армейских и милицейских офицеров, пошли в Смутное время на службу не государству, а «братве». Этот агрессивный потенциал, будь он направлен не на самоистребление, а вовне, мог бы преобразоваться в энергию наступления России, ее победоносной экспансии. Воинственность целого поколения была замкнута на самое себя.

Важно сказать и о том, что русский обыватель в Смутное время представлен преимущественно фигурой предпринимателя. При этом в зону «предпринимательства» затолкнули всех, кого только можно. Скитающийся в поисках пропитания и сдающий стеклотару бомж – это своего рода образчик «предприимчивости». Производитель был вынужден переквалифицироваться в посредника, взять «риск» за свое дело, включиться в игру финансовых пирамид. В Смутное время обыватель, который служит на производстве – это нонсенс, «списанное поколение», по выражению либералов. Что касается интеллигента, то он сделался в эту эпоху абсолютно неуловимой субстанцией, раздробленной в бесконечном числе кружков и клубов. Даже вожди интеллигенции – академики, политтехнологи – замкнуты в более или менее

расширенные междусобойчики. Любая масштабная попытка прорыва в общенациональное поле оканчивается провалом. Общенациональное поле сужается до нескольких монополистических СМИ, но в этой точке интеллигенция уже перетекает во власть, в политику. Ибо всякий имеющий большой информресурс становится: а) кормящимся от рекламы предпринимателем, и б) политиком, даже если он снимает передачи про домашних животных.

Предрассудок шестой:

У нас принято отождествлять государственность и класс чиновников. Никого не удивляет, что установка на укрепление государства оборачивается лишь новыми возможностями для коррупции и злоупотреблений. Между тем укрепление государства по своей природе является прямо противоположным процессом: чем сильнее государство, тем опаснее для чиновника нарушать законы и распоряжения.

Мобилизация населения России на новые национальные проекты связана с восстановлением нормы досмутных времен, а именно: восстановлением традиционных классовых ролей, которые в Смутное время мутировали. Необходим переход значительного числа обывателей обратно из неудачливого бизнеса на службу, переход интеллигенции из кружковщины к своим прямым обязанностям: учить и лечить.

Возврат от стихийной социальной стратификации к клановой и общинной, не говоря уже о возврате к индустри-

альной стратификации общества – был бы сегодня не регрессом, а скорее самозащитой государства и общества. В противном случае государство будет постепенно разрушено внешними силами, поскольку долларовые эквиваленты социальных ценностей со временем полностью размоют все «качественное» в России. Царство количества размочит всю нашу специфику, все остатки «органического» начала.

Мне уже доводилось писать (в «Эксперте» в 2002 году), что чиновничество с его корыстным произволом рассматривает ужесточение власти и укрепление государства как выпуск новой серии негласных индульгенций на злоупотребления. У нас вообще принято отождествлять государственность и класс чиновников. Никого не удивляет, что установка на укрепление государства оборачивается лишь новыми возможностями для коррупции и злоупотреблений. Между тем, укрепление государства по своей природе является прямо противоположным процессом: чем сильнее государство, тем опаснее для чиновника нарушать законы и распоряжения.

Рекрутирование новой элиты, новых человеческих ресурсов должно пойти на этот раз не столько через выборы снизу, сколько через призыв сверху. Это должна быть идеологическая ротация элиты.

Соборность в политике

В инициативе по созданию новой общенациональной палаты с авторитетным рекомендательным голосом в государственной работе и контрольными функциями есть как некоторая надежда, так и свои опасности. Формулируя суть своего предложения об Общественной палате.

Президент отметил: *«Речь идет о гражданском контроле за работой госаппарата включая правоохранительные органы и специальные службы, что сегодня, на мой взгляд, чрезвычайно важно».*

Надежда заключается в том, что такой орган воспроизводит многие черты традиционных представительных институтов России («государева верха», Земских соборов). Может быть, через какое-то время, не слишком продолжительное, именно такая мягкая форма представительства низов во власти останется **единственной работающей**. Принцип отбора предполагает гораздо более рациональную деятельность, чем выборы. Дело не в том, что отбор осуществляется сверху, а в том, что он по определению исходит из реально существующих пропорций внутри общества.

Нам нужны институты не абстрактного «гражданского общества», а институты соборности. Если немного пофантазировать, то в таких институтах было бы представлено несколько новых

«партий»: державничества (русского империализма), народничества (традиционной социальной правды) и несколько «малых» идеологий: традиционных религий, национальных фундаментализмов, корпоративных и местных укладов.

Однако именно в этом пункте таится наибольшая опасность. Пропорции общества зависят во многом от того наблюдателя, которые эти пропорции описывает. Если даже наблюдатель достаточно объективен, он сталкивается с фактором встречной активности и пассивности общества. Платон говорил, что лучшим руководителем государства мог бы стать философ, хотя философ («подлинный кормчий») никогда сам не напрашивается на подобные роли, его нужно не просто отыскать, отодвинув в сторону множество участвующих в политических распрях, но еще и уговорить выполнять эту роль. Ибо *«кто нуждается в подчинении, должен обратиться к тому, кто способен править. Не дело правителя просить, чтобы подданные ему подчинялись, если только он действительно на что-нибудь годится»* (Платон, Государство, 489 с.).

Совсем по-другому обстоит дело с нашим так называемым «гражданским обществом». На поверхность вылезает все то, что не нужно искать и заставлять. Эти активные люди – представители наиболее успешных, наиболее продвинутых правозащитных организаций, организаций, получающих международные гранты, шумно создающих видимость

своей деятельности и репутацию в средствах массовой информации – грозят заслонить собою собственно «гражданское общество». Существует опасность, с одной стороны, свести Общественную палату ко второму изданию «Гражданского форума», организованного Павловским со товарищи, с другой стороны, существует и опасность посадить в палату еще один филиал «Единой России», на этот раз не региональный, а центральный. В обоих случаях абсурд этой инициативы очевиден. Мы получим либо свой карманный антиглобалистский интернационал, либо «клонированный студень» политически активного чиновничества.

Если Общественная палата нужна для укрепления подлинной стабильности государства, то во что бы то ни стало необходимо избежать опасности чисто количественного роста той псевдостабильности, о которой я уже писал выше. России нужна не голая стабильность, а сложная динамическая стабильность, имя которой – соборность. Нам нужна дружная органическая работа государственной иерархии, крупных отраслевых корпораций и общественных сетевых структур.

Как писал на сей счет И.А. Ильин: *«Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты учреждения с чертами корпорации: оно строится и сверху, и снизу, и по принципу властной опеки, и по принципу выборного самоуправления»*⁵. Современной политической системе

---

⁵ Ильин И.А. Собрание соч. в 10 тт. Т. IV. – М., 1994. – С. 484

России нужен представительный корпоративный принцип, выход в новое измерение, а не размазывание по новым институтам прежней биполярности (КПРФ – «партия власти»).

Внутри соборной модели русского представительства могли бы возникнуть своего рода «партии», «крылья» общественного целого, весьма не похожие на старые партии ельцинской России. Пофантазируем.

Это была бы, во-первых, партия **державничества (русского империализма)**, партия традиционной государственности, собирательницы земель и покровительницы народов, России как собора племен и вер. В основе имперской системы ценностей, отстаиваемой этой общественно-политической силой, будет лежать приоритет не количественный (перевод и пересчет людей, племен и традиций в деньги, киловатт-часы и т. п.), а духовно-политический. Экономическая целесообразность, о которой столь рьяно говорили и продолжают говорить наши либертарианцы, в этой перспективе оказывается ценностью служебной. В имперской экономике никого не будет волновать, сколько процентов от экономики Великороссии составляет экономика какой-нибудь Белой или Малой Руси, вступающей на путь реинтеграции. Каждый атом империи обладает абсолютной ценностью, каждый гражданин империи – носитель неприкосновенности и чести Великого Рима.

Так называемая «партия власти» все больше превращается в носительницу полубессознательного, но вполне реаль-

ного «бюрократического фундаментализма»; наиболее здоровые элементы бюрократии осознают, что единственный для нее путь в будущее – это раскрытие своего социального содержания как внутреннего оплота государства и цивилизации и стремление к облагороженной манифестации своей миссии – «госслужбе», «служению Отечеству» и т. п. Проблема «Единой России» в том, что она принципиально пугается возможности идеократии в себе. Вступление на путь идеократии означало бы для «Единой России» распад на множество партий, поскольку нынешний ее партийный консенсус держится именно на принципе «деидеологизации ради стабильности».

Второй существенной политической силой русского Собора стало бы **народничество**, идеология «социальной правды», раскрываемая не как абстрактная ценность, но как своего рода наша национальная традиция. Большевики в свое время использовали пафос русского «народничества», одухотворяя им свою культурную политику, формируя с его помощью цивилизационный стиль советской империи. Это крыло нашей соборной политической системы видело бы свою задачу в том, чтобы привести в гармонию сословия и корпорации внутри России. Понятно, что путь к такой гармонии лежит не через псевдостабильность нынешних «единороссов», а через достаточно жесткое изменение внутри-российского климата, в том числе ограничение зарвавшихся корпораций. Обуздание тех, кто в Смутное время преуспел в

своём несправедливом обращении с общенациональным богатством, является для идеологии «социальной правды» не самоцелью, но именно средством достижения прочной классовой и супранациональной гармонии в России. (Я думаю, читатель отчетливо ощущает, что в этом «народничестве» заключено иное содержание, чем в западных социал-демократах или лейбористах, а также в отечественных идеологах «экспроприации» – это не «левое» направление, впрочем, как и не «правое», оно относится скорее к третьему измерению политики, третьему пути.)

Несомненно внутри соборной политической системы должны будут занять достойное место полномочные представители **традиционных религий, национальных фундаментализмов, корпоративных и местных укладов** – это целая плеяда так называемых «малых идеологий», неотъемлемо присущих русской цивилизации. Они могут вступать между собою в разнообразные коалиции и сочетания, с тем чтобы их соборный голос был лучше слышен и звучал как общее, выработанное в согласии мнение.

О принципе Августа

(небольшая историческая аналогия)

Вступление на путь консервативных преобразований предполагает возвращение к сложности системы, ее иерархичности, комплексности и корпоративности. Саботаж на любом из уровней этой сложной системы должен вызывать немедленную идеологическую реакцию системы. Это не обязательно сталинские репрессии или действия в духе «опричнины». Это могут быть репрессии не полицейского, а собственно идеологического типа, с упором на потерю статуса и конфискацию имущества, а не на ссылки и расстрелы.

Новый русский порядок должен быть таким, чтобы явные сбои в соборной работе институтов устранялись невзирая ни на какие внесистемные ценности. Страна должна стать единым организмом и работать как часы. Иного шанса у власти и народа просто нет. Чтобы соответствовать «новой сложности», нужно решительно изменить требования к качеству элиты. Обычно элиту подвергают ротации и репрессиям не из-за кровожадности, но потому, что она становится помехой органическому течению национальной жизни.

Аналогия с «опричниной» Иоанна Грозного является бо-

лее чем приблизительной и, несомненно, она нежелательна в силу той, отчасти несправедливой, общераспространенной оценки ее, которая доминирует в русской историографии. С легкой руки Н.М. Карамзина нашего царя Иоанна представляют в виде «романтического злодея».

Хотелось бы обратить внимание на другой исторический пример: подобную же задачу решал в конце I в. до н. э. Октавиан Август. Он не стал упразднять традиционные органы римского народовластия, но, поскольку они бесконечно воспроизводили гражданскую войну, он по существу дополнил их параллельной государственной системой, которая находилась под его личным контролем. Этот режим получил в истории название «принципат Августа» – фактически этот режим положил начало Римской империи, то есть образцовой, классической империи.

Эпоху принципата впоследствии воспринимали как время счастливой стабильности и тишины после целого века революций и братоубийственного кровопролития. Поэты воспевали эпоху принципата как «золотой век» империи, – однако, существенно то, что этот режим фактически покончил с исчерпавшей свой ресурс республиканской формой правления. Отучать римлян от привычной для них республики Август стал постепенно, всячески подчеркивая приверженность формально-правовой «старине». В этом ему помогал его последовательный религиозный и нравственный консерватизм, реставрация древних обычаев, апелляция к «духу

народа». Современники отразили таинственную суть власти Августа, не вполне юридически ясной, через термин «авторитет» (auctoritas).

Вот как описывал ситуацию Светоний: *«Сенат давно уже разросся и превратился в безобразную и беспорядочную толпу – в нем было больше тысячи членов, и среди них люди самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку, которых в народе называли „замогильными“ сенаторами. Он вернул сенат к прежней численности и к прежнему блеску, дважды произведя пересмотр списков... Некоторых он усовестил, так что они добровольно отреклись от звания... При себе он завел совет, выбираемый по жребию на полгода: в нем он обсуждал дела перед тем, как представить их полному сенату. О делах особой важности он спрашивал сенаторов...»*⁶

Выстраивая параллельное «государство в государстве», Август рекрутировал из разных сословий кадры новой администрации, подчинявшейся лично принцепсу помимо сената. По существу принципат оказывался системой политико-правового дуализма, или «диархией» сената и императора. Равновесие внутри этой двойственной системы достигалось за счет нескольких особых полномочий: Август стал пожизненным главнокомандующим армии и пожизненным народным трибуном. (Фактически он сконцентрировал в своих руках источники двух идеологем, о которых шла речь вы-

---

⁶ Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. – М., 1991. – С. 69–70.

ше: «державничества», то есть *impregium*, власти над силовыми институтами и «социальной правды»; надо сказать, Август очень умело ими пользовался!) При этом Август неоднократно избирался и консулом, то есть на высший пост исполнительной власти — однако он всячески подчеркивал свое нежелание получать официальные «диктаторские» полномочия или какие-либо атрибуты, хотя бы отдаленно напоминающие атрибуты монарха.

Что касается материальной базы принципата, то Август разделил все приносящие доход провинции на две категории: подконтрольные сенату и подконтрольные императору. Это означало, что государство не устранилось из хозяйственной жизни, казна формировалась не только за счет налогов, но и за счет прибыли, получаемой от обширных государственных хозяйств.

Авторитет не может быть почерпнут из пустоты, авторитет черпается из национально-государственной традиции, возникает из права на ее олицетворение, а значит истолкование. Цезарь Август, творя по существу новое государственное целое, больше всего озаботился символической и духовной связью этой новизны с римскими традициями.

В чем смысл принципата? В противоположность закулисным интригам и олигархическим междусобойчикам, все члены Совета, принимающего государственные решения, известны населению.

Подлинный авторитет создают не столько их былые заслуги, сколько деятельность, осуществляемая у всех на глазах, здесь и сейчас.

«Свобода» эпохи гражданских войн приносила римлянам лишь несчастья, она стала для них проклятием. Август, взяв у римлян часть их «свободы», предложил им взамен другую ценность – «достоинство», «честь» римского гражданина. Люди должны захотеть пожертвовать свободой (на деле мнимой) ради патриотического достоинства, которое не может быть отнято ни при каких обстоятельствах, кроме неисполнения долга и измены.

Авторитет не может быть почерпнут из пустоты, авторитет черпается из национально-государственной традиции, возникает из права на ее олицетворение, а значит истолкование. Цезарь Август, творя по существу новое государственное целое, больше всего озаботился символической и духовной связью этой новизны с римскими традициями.

Последовательность действий

Идеологический критерий при формировании новой элиты является существенным – он обозначает переход от эпохи случайного отбора по принципу «профпригодности» и «личной преданности» к эпохе отбора содержательного, качественного, идейно осмысленного. Даже личная преданность должна в конце концов иметь одним из своих главных осно-

ваний преданность идее, программе, преданность не одному статусу государства, но и его **священному аспекту**, который определяет направление общего служения. Священный аспект обязывает ко многому: к тому, чтобы верховная власть сделалась защитницей традиции, защитницей морали, защитницей семьи, защитницей интересов тех, кто фактически строил историческую родину и наследует ее строителям. В этом заключается рациональный источник харизматичности власти (о ее иррациональных источниках речь сейчас не идет).

Создать параллельную элиту, не разрушая старую, можно именно на идеологическом фундаменте и с элементом харизмы в новом импульсе государственного строительства. Идеологический критерий новой вертикальной мобилизации должен сочетаться с другим важным требованием: остановить бесконечную «гражданскую войну» идей в России. Не стоит впадать в распространенную иллюзию, когда позднее заслоняет раннее: дескать, именно в современную нам эпоху мы выработали какую-то подлинно ценную, или подлинно гуманную систему. Нам нужно собрать свое прошлое, сфокусироваться на всем положительном, что было в разные эпохи, в том числе и в советское время, – нужно вооружиться константами национально-государственной традиции. Новая элита должна быть нацелена исключительно на созидание, на подготовку предпосылок для свежей и динамичной стабильности, а не на разрушительную критику про-

шлых эпох. По существу, в нашей истории был только один тип времен, которые мы должны изжить и более не допустить – это Смутные времена.

До сих пор в этом очерке речь шла о стратегических ценностях. Однако крайне важным для правильной реализации любой стратегии остается вопрос о тактике. Последовательность консервативных преобразований могла бы быть такой.

Во-первых, необходимо подготовить к ним общественное сознание. Поэтому ключевой и первостепенной сферой, в которой нужно осуществить решительный «консервативный поворот» (если не на 180, то на 90 градусов) – является сфера Слова. В СМИ, культуре, образовании, науке должны быть инициированы мощные программы оздоровления и очищения, проветривания нашего морального и интеллектуального пространства, поощрения и прямой пропаганды общественно полезных инициатив, создании культа духовных ценностей и соответственно «борьбы с грехом». Необходимо подобрать лучшие профессиональные кадры, которые идеологически близки доктрине преобразований. В сферу Слова придется направить первый «призыв» власти, потому что без обеспечения благоприятного информационного и духовного фона дальнейшее продвижение станет чрезвычайно трудным. Напротив, если общество свыкнется с консерватизмом в сфере слов, идей и образов – сопротивление преобразованиям со стороны идейных противников окажется вялым и

неэффективным, а сопротивление со стороны коррупционеров и криминалитета и вовсе бесперспективным. Моральная поддержка народа делает здесь свое дело.

Во-вторых, с этим первым уровнем преобразований тесно связана задача создания в массовой культуре «образа будущего» России, вообще «нового образа России» как такового. Этот социальный заказ не только воодушевит народ, в особенности молодое поколение, но и позволит сформировать определенный международный стереотип «нового курса» России, который будет воздействовать на наших партнеров более мощно, чем любые дипломатические ухищрения.

В-третьих, как уже говорилось выше, необходимо будет запустить несколько масштабных мобилизационных проектов, как государственных, так и негосударственных (но с активным участием власти и общественных институтов). Должны быть созданы участки прорыва, деятельной «мобилизации», повышенного социального внимания. Целый ряд острых проблем нашего общества (как, например, демографический коллапс) на какое-то время прочно займет место среди подобных «участков прорыва».

Если посмотреть, что предлагают нынешние либертарианцы, мы увидим, что они дают «предельные», «метафизические» ответы на довольно-таки спорные, ситуативные вопросы, решаемые в разные эпохи и разными культурами по-разному. Так, например, сегодняшняя позиция Е. Гайдара: восторг по поводу плоской шкалы налогов, пропаганда ли-

берализации иммиграционных правил (решение демографической проблемы за счет резкого притока русскоговорящих иммигрантов), переход на исключительно контрактную армию – все это не может не вызывать удивления у консервативно мыслящего человека. Откуда в наших «великих реформаторах» эта безапелляционная убежденность в универсальности исповедуемых ими ценностей?

В свое время Константин Леонтьев определил консервативную идею через емкий образ: «Россию нужно подморозить». На мой взгляд, Леонтьев был понят не вполне правильно (может быть, выразился неудачно?). Эта фраза означает вовсе не голое «отрицание нового», но скорее дезинфекцию организма и среды обитания.

Сегодняшний угар либерального консерватизма в России достиг предельной точки. Воздух очень спертый, тяжело дышать, да и теплолюбивые насекомые заедают. Подморозить не значит довести обитателей избы до простуды и могилы. Подморозить значит крепко проветрить избу, изгнать паразитов, покончить с угаром. Прежде чем обустроить, обогреть и осветить, нам нужно крепко проветрить Россию. Скорее уж «подморозить», продезинфицировать – с тем, чтобы опять принести дров и протопить печь.

Часть первая Консерватизм в отдельно взятой стране

Третий полюс⁷

Что следует иметь в виду, когда мы толкуем о консерватизме

Не так давно руководители идеологического отдела одной из новых партий власти предложили мне принять участие в подготовке конференции по политическому консерватизму – с тем, чтобы в дальнейшем разрабатывать официальную идеологию партии (а значит, и государства). От других своих знакомых я также слышал о проявлении внимания к «серьезному» идеологическому консерватизму со стороны ряда представителей высшей политической элиты, в том числе в администрации президента. Был проведен даже некий конкурс работ на лучшую консервативную идеологию. Все это наводило на мысль, что в ближайшее время она будет сформулирована и заявлена в свежих и жестких формулах. Однако эти предположения не оправдались – оживление смени-

---

⁷ Впервые опубликовано в журнале «Эксперт» (№ 10 (317) от 11 марта 2002 г.).

лось очередной идейной стагнацией.

Вотчина пиарщиков

Однако решать проблему выбора пути, формулирования национальной идеологии все же придется. Ключевым в этом разрезе оказывается вопрос наследства: СССР как наследник Российской империи и современная Россия как наследница СССР. Сама по себе эта постановка вопроса (если не брать узко юридическую сторону дела) является консервативной, связанной с видением политической ситуации в большой исторической перспективе.

По мере того как претензия советского типа модернизма на мировую революцию ослабевала, в нем возрастал неоконсервативный элемент, советский мир осознавался как особая цивилизация и приходила догадка, что она является исторической наследницей царской империи. Что было плохо в советской системе – «модернизм» или «консерватизм»? Ответ не очевиден. Но характерно, что глава государства всегда подчеркивает свое уважение к советскому прошлому, к госслужбе, к государственнымникам, к КПРФ; характерно, что он пошел на весьма болезненный для либералов символический шаг: на реставрацию государственного гимна – шаг по существу популистский. И все-таки до сих пор остается непонятным, является ли наметившийся сдвиг к консерватизму чем-то серьезным, идущим в русле русской историче-

ской традиции, или же эти жесты оказываются временными попутчиками популизма в сфере символов и прагматизма в деле укрепления вертикали власти. Идеологическая лаборатория путинской команды на сегодня – «фабрика компромиссов», по выражению одного из функционеров президентской администрации.

Консервативная «ниша» в России как исторически, так и актуально имеет огромную идеологическую и психологическую емкость. Я убежден, что если у нас все-таки выйдет на авансцену серьезная консервативная идеология, то ответ на нее снизу будет самым благоприятным. Пока же консервативные ходы в политике используются как элементы политехнологий, и не более того. В 90-е годы это был, с одной стороны, консерватизм национал-патриотического блока – «красный» консерватизм, сочетавший неумелое троеперстие с посещением Мавзолея, а осторожные и неубедительные речи про тысячелетнюю империю – с верностью марксизму. Перспективный в принципе, этот путь синтеза неоконсервативной идеологии оказался заложником нетворческого аппарата компартии. С другой стороны, выдвинулись неприглядные для консервативно мыслящего российского человека «правые» младореформаторы, и возникла путаница. Назвавшись правыми, Гайдар, Немцов, Кириенко, Чубайс окончательно дезориентировали обывателя, отодвинули куда-то в туманное прошлое тот факт, что либералы-западники в России никогда так не именовались. Этим лиш-

ний раз подчеркнули, что в России нет заслуживающей внимания политической традиции и можно без обиняков взять американские термины «правизна» и «левизна» и просто пересадить их на нашу почву. Очень характерная позиция для якобы «правых». В 90-е годы существовали также карликовые политические движения, употребляющие идиомы консерватизма, такие воззрения симулировались и в предвыборной риторике генерала Лебедева и Владимира Рыжкова, но на этом сейчас нет смысла задерживать внимание.

Вполне вероятно, что, с точки зрения кремлевских политтехнологов, популизм начала века должен отличаться от популизма конца 80-х годов – тогда политика питалась антикоммунистическими ожиданиями, теперь – если не антилиберальными, то, во всяком случае, нелиберальными. Пройдя полукруг от планового социализма через рыночный капитализм, стрелка политических часов стала клониться к третьему полюсу – полюсу консерватизма. Рубежным стал 2000 год, когда довольно резко поменялся тон многих публицистов. Вчерашние проповедники либерализма стали наперебой угадывать идеологию, таящуюся в сердце загадочного и. о. президента, вскоре ставшего полноценным президентом. Большинство сходилось на «либеральном консерватизме».

Политтехнологи взялись за дело более круто – они сразу принялись объяснять всем политику нового курса и даже строить смелые проекции, подчас заигрывая с запретными темами. Так, директор Института политических исследова-

ний С. Марков в 2000 году говорил, что Путин станет лидером нового корпоративного государства, чем-то вроде «Муссолини, но более или менее цивилизованным», как он выразился.

Надо сказать, что ожидания и предчувствия были не совсем безосновательны. Другое дело, что отличить, где проявилась личная воля президента и его команды, а где продолжался псевдоконсервативный пиар, оказалось нелегко. Политолог А. Морозов правильно заметил, что «путинский неоконсерватизм от начала и до конца создан современными специалистами медийной борьбы», и перечислил неоконсервативные черты нового курса именно как элементы своего рода культурологической кампании, своего рода нового популизма: «Как „неоконсерватор“ Путин позиционирует себя соответствующим образом: летает на истребителях, повторяет слова императора о том, что „у России два союзника – армия и флот“. Он не только утверждает, что „Россия – европейская страна с христианскими традициями“, но и летит в Псково-Печерский монастырь за благословением к самому почитаемому современному старцу о. Иоанну Крестьянкину. Путин встречается с Солженицыным, а правительственные СМИ толкуют курс восстановления вертикали власти с помощью учения о государстве Ивана Ильина».

Закон маятника

Специалисты, которым было поручено проработать новые идеологические задачи, должны были сразу столкнуться с проблемой выбора, поскольку консервативная парадигма неоднозначна и включает в себя совершенно противоположные идеологии. Понятно, что «ситуационный» (модернистский) консерватизм должен был показаться наиболее подходящим для новой политической технологии, поскольку он представляет собой идеологию стабилизации сложившихся на данный момент отношений, идеологию, которая опирает проект государственного строительства на фундамент фиксируемого здесь и сейчас согласия, *status quo*, – с гарантией, что не будет репрессий и «пересмотров» итогов.

Однако этот напрашивающийся выбор имел свою слабую сторону – либеральный консерватизм не укоренен в российской почве, не вписывается в русскую историческую традицию, мало согласуется с наследием наших консерваторов. Дело в том, что в XX веке Россия и Западная Европа пошли разными путями: западное консервативное движение раскололось на «консервативную революцию» и «либеральный консерватизм», в России же произошла по существу «радикальная революция». Приблизительные аналоги разошедшихся западных идеологий русская интеллигенция породила уже в эмиграции (аналогом консервативной волны

были «правые» евразийцы, либеральные же консерваторы были представлены такими мыслителями, как П. Струве и С. Франк). Но в самой жизни России (СССР) даже приблизительных подобий этого расколовшегося на части консерватизма не было.

ТИПЫ КОНСЕРВАТИЗМА

Религиозный (ориентируется на Священное Предание и каноны).

Контрреволюционный (прикладной в рамках борьбы за реакцию).

Реставрационный (то же, что контрреволюционный, только в более мягком варианте).

Романтический (культурный традиционализм, полагающий иерархию своих ценностей в прошлом).

«Ситуационный» (он же консерватизм модернистского типа, стремящийся к сохранению существующего баланса сил; его разновидности – либеральный консерватизм, неоконсерватизм, «партийный» консерватизм», то есть действующий в рамках парламентской системы, довольствующийся ею; в наиболее выпуклом виде неоконсерватизм проявился в курсах Рейгана и Тэтчер).

«Консервативная революция» (идеология крайне правых в XX веке – стремление обуздать либеральное общество с помощью идеократий,

новых «аристократических» групп, опирающихся на поддержку широких масс; оказала большое влияние на идеологов фашизма, национал-социализма, франкистов в Испании).

Нарождающийся постбуржуазный (под его знаменем может реализоваться проект новой иерархии, нового мирового порядка, по существу кастового или кланового; эта линия ассоциируется с курсом Бушей – отца и сына).

На Западе после победы над фашизмом «консервативную революцию» загнали в подполье, «правые» в собственном смысле оказались дискредитированы (хотя это и нельзя признать оправданным и справедливым в отношении «правых», отнюдь не тождественных фашистам). Поэтому традиционную политическую нишу занял либеральный консерватизм, впоследствии узурпировавший право отождествить себя с неоконсерватизмом вообще и выступивший на парламентском поле как второй полюс по отношению к социал-демократии. Либеральный консерватизм лег в основу современных версий идеологии английских тори, американских республиканцев, немецких христианских демократов. Но у нас, не пройдя через «консервативную революцию» и первоначальный либерализм, невозможно прийти и к органическому либерал-консерватизму. Скорее наоборот – в силу того, что Россия вкусила и «революции» (не консервативной), и «либерализма» (сначала радикально-социалистического, затем радикально-рыночного), теперь по закону маят-

ника наступает очередь какого-то нелиберального и неревolutionного консерватизма.

Не наш путь

Сегодня консервативная идея может входить и войдет как составная часть в любую вновь изобретаемую идеологию. Следовательно, дело не в самом *декларируемом* консерватизме, а в том, кто и ради чего берет его на вооружение. Неоконсерватизм в его постмодерном варианте – это лукавая идеология. На первый взгляд это умудренный модернизм, отказывающийся от жестких и непримиримых методов отцов и прислушивающийся к голосу дедов-консерваторов. Но признание некоторых консервативных ценностей происходит в постмодернизме «постфактум» – когда все новые революции (окультурная, сексуальная, психологическая) уже победили.

На фоне плюралистической «революции» начала 90-х советское общество могло показаться каким-то оплотом консерватизма, однако по существу это была, конечно же, сложная смесь, химера, соединившая в себе, например, четкие черты интернационализма и шовинизма, идеологемы гуманизма и авторитаризма. Наивен тот, кто видит в этом лишь лицемерие, но не видит естественной для модернистской системы внутренней связи. Наивен и тот, кто на пороге XXI века не считает возможным появления гибридов типа **«космополитическая диктатура»** либо же **«демократический**

фашизм».

Сегодня уже можно говорить о мутации американского либерального консерватизма, перерождающегося в новый корпоративный порядок. Постмодернистский (постбуржуазный) консерватизм, который зарождается в США, – это развитой официальный глобализм, который выстраивает новую социальную иерархию с новой кастовостью. Неолиберализм уже давно пришел к тому, что духовная культура сводится к механизмам коммуникации, а наука – к практической магии и манипуляции массами. Новая кастовость означает, что в мире на международном уровне закрепляются роли стран-капиталистов и стран-пролетариев, стран-господ и стран-изгоев. На уровне микросоциальном это означает новую степень контроля над личностью. С одной стороны, происходит отрезание низов (низших каст и низших наций) от уровня согласования и принятия решений, с другой – установление всеобъемлющего контроля за управляемыми. Империалистическая претензия выходит на передний план и не просто призывает, а именно принуждает к участию в мировой системе, к сотрудничеству с ней. Американские самолеты разбрасывают над Афганистаном листовки: «Выдайте талибов и боевиков „Аль-Каиды“ или будете уничтожены».

Сам по себе корпоратизм и сама кастовость – это признаки сверхконсерватизма, опрокидывания истории в архаические формы. Специфика ситуации состоит в том, что в западной культуре изживание архаики было сопряжено с раз-

витаем христианства. Но сегодня скатывание к архаике будет означать не возвращение к христианским истокам, а торжество оккультно-неоязыческой духовности. Глобальная панатлантистская система – это мутант современности, вырождение ее в «новое средневековье», но не в то, о котором мечтал Бердяев, а в постмодерное, постиндустриальное, технотронное «средневековье Антихриста» с закрытой системой глобального беззакония. Это будет нечто среднее между поздней Римской империей с ее плюрализмом и «пост-христианским» средневековьем, средневековьем колдовства и суеверия, но без покаяния, средневековьем безразличных к Богу, но верящих в черта.

Что же касается России, то «либерализм» здесь никогда не был на практике идеологией перенесения западных системных отношений на нашу почву. Хитрость либерализма в том, что он принципиально неодинаково работает в обществах, которые в разное время приступили к своей модернизации. Либерализм для метрополии и либерализм для стран следующих эшелонов модернизации – это два принципиально разных стандарта. Впервые на это указал выдающийся русский мыслитель Николай Трубецкой, а впоследствии его идеи подхватили многие зарубежные идеологи и социологи, причем более активно – в «развивающихся» странах. То, что для нас либерализм и «приобщение» к цивилизации, говорил Трубецкой, для самих европейцев не что иное, как романо-германский шовинизм.

Оказывается, уже в обществах второго эшелона модернизации (Германия, Япония, Россия) возникла мощная реакция отторжения на либерализм, поскольку он ставил их в неравные условия, вгонял в прокрустово ложе транснациональной экономической системы. Что же касается стран третьего и четвертого эшелонов, то они вообще не могут надеяться органично вписаться со своей модернизацией в мировую систему. Издержки такой модернизации, диспропорции в развитии третьего мира слишком велики – утрата традиционной культуры, отказ от святынь и старых ценностей накладывается в этих обществах на сомнительные радости неразвитого индустриального уклада. Отсюда радикализм исламских государств, «иранская революция» Хомейни, «Талибан», тяга афро-азиатской политической элиты не к либерализму, а к политическому «традиционализму».

Представители же первенствующей сегодня цивилизации хотят воевать так, чтобы быть неуязвимыми для врага. Они хотят «бить лежачего». В бизнесе они хотят играть в таких соотношениях и по таким правилам, что конкурент практически не имеет шансов. В духовном противостоянии они хотят прийти на чужую почву, купить местные власти и заставить их обеспечить им все условия, чтобы их никто не обижал, и чтобы их допустили к потенциальной пастве – неокрепшим юным душам. Так что о «честной конкуренции» после распада Советского Союза нет и речи. Коренная ошибка искренних либеральных консерваторов, которые

пытаются при этом остаться почвенниками, в том, что они не сумели соизмерить принцип конкуренции с фактором богатства.

Но и богатство бывает разное. Богатства и ценности, если их носитель и владелец не готов к самопожертвованию, обесцениваются. Потому что не все ресурсы жизни могут быть переведены в деньги. В знаменитом стихотворении Пушкина последнее слово остается все-таки не за деньгами: «Все куплю, – сказала злато. Все возьму, – сказал булат». Лицемерие либерализма не беспредельно – на смену ему приходит неоконсерватизм, причем в Америке, в Европе, в России он может быть очень разным, вплоть до противоположности.

Консерватизм модернистский (ситуационный) статичен: его задача – притормаживать становление новых общественных форм, путем компромиссов и уступок сглаживать процессы неолиберальных революций. В этом и состоит главная задача либеральных консерваторов. Серьезный же консерватизм должен быть динамичен, цель его – выработать долговечные формы социального взаимодействия, воплотить в современных условиях русскую политическую и культурную традицию, возродить нашу самостоятельную цивилизацию и обеспечить ей прочное будущее.

Наш путь

Серьезный консерватизм – это, безусловно, не идиллия. В

современном обществе он не может в мгновение ока достичь своих сверхзадач. Однако консервативная идеология немедленно потребует от государства ставить перед собой более существенные стратегические цели, чем обслуживание «свободного рынка». Главная задача государства – не угодить своей элите, но указывать ей ее настоящее служение и собирать нацию с помощью продуманной системы духовно-политических символов, которые для консерватизма не являются пустым звуком, но бесконечно значимы.

Консерватизм просто совпадает с религиозным традиционализмом в том, что касается борьбы с грехом (неважно, к какой конфессии принадлежит консерватор, – он не может не чувствовать этих нравственных соответствий). Ведь борьба с грехом – отнюдь не только частное дело человека. Можно вспомнить в первую очередь, что сребролюбие и блуд – грехи, тогда как современное либеральное общество, похоже, забыло эту истину и не желает о ней вспоминать. Трудно себе представить, насколько оздоровится атмосфера в обществе, если государство сделает хотя бы две эти истины мотивами, определяющими его политику в том, что можно назвать сферой Слова (которая в современном мире является по совместительству и сферой универсального Символа, аудио- и видео-Образа).

Серьезные консерваторы, несомненно, провели бы существенную перестройку прежде всего в области массовой информации, изменили бы ориентиры государственной поли-

тики в области культуры, образования, просвещения, науки и религии. Эти направления – ключевые для серьезного консерватизма, поскольку он уповает на воспитание новых поколений в духе традиционных ценностей, а не на спонтанный и, как уверяют либералы, «естественный» самоотбор, не на самоорганизацию социальной стихии. Консервативную контрреволюцию в умах можно осуществить только сверху и только в течение немалого времени. Однако здоровые плоды появились бы уже и в первые годы консервативных преобразований.

В отличие от консерватизма парламентского, берущего на себя, по выражению Эрнста Юнгера, роль шута в либеральном светском обществе, задачей серьезного динамического консерватизма будет не развлечение публики, а сворачивание общенациональных демократических процедур. Выборная демократия для настоящих консерваторов не может быть идолом, но может быть рычагом для решения определенных социальных вопросов, как то: организации земств, муниципалитетов, автономии «малых укладов». Идея представительства сохраняет большое значение, однако таким образом не должна формироваться законодательная ветвь власти. Сверхзадача консерватизма в этой области – национальное собрание, земский собор, «генеральные штаты», орган сословно-корпоративного волеизъявления.

Демократия имеет смысл там, где она может быть наполнена живым общественным содержанием. В последние же

годы все больше людей осознает абсурдность существующей системы выборов, в которых отчуждение избирателей от избранников становится катастрофическим. По существу и для власти, и для народа выборы становятся тягостной формальностью, добровольно взятым на себя ритуалом поддержания демократических приличий.

Положительная программа серьезных консерваторов – приоритет национальных интересов, государство, вера, семья, нравственность, порядок, социальная ответственность индивида, терпимость, духовность, служение (служба); в области культуры – традиционность и мораль; в области экономики – дисциплина и прозрачность (публичность) административных решений. Здесь консерватизму приходится бороться с мифом, что регулирующие механизмы государства сковывают частную инициативу. На деле инициативу сковывает «либеральное» (в российском варианте) государство с его вседозволенностью и коммерциализацией санкций. Консервативное же государство сковывало бы не частную инициативу предпринимателей, а администраторов в проявлении их «частной» инициативы, которая является сегодня причиной коррупции и социальной неправды. Укрепление государственности не означает усиления автономности и самодостаточности чиновника, но ровно наоборот – его ответственности и зависимости от тех, кто стоит выше, и от того, что происходит внизу. Укрепление государственности означает укрепление политической воли, а не выпуск новой се-

рии негласных индульгенций на экономические злоупотребления.

Консервативная власть, несомненно, сделала бы большую ставку на репрессивный аппарат, поскольку по мере приближения к своим сверхзадачам она встретила бы серьезное сопротивление в толщах административных структур и в ряде криминальных кланов. Вместе с тем и здесь можно говорить о жестком и мягком варианте кадровых чисток и перетрясок. В такого рода сложных процессах, как показывает исторический опыт, большую роль играют репрессии не полицейского, а идеологического типа. Чиновник должен быть не посредником между властью и обществом, не «полупроводником», но качественным транслятором социальной информации. Он должен «служить» и, по сталинскому выражению, быть «винтиком» — это высказывание отнюдь не лишено смысла в отношении оперативных обязанностей бюрократии.

Сверхзадачей серьезного консерватизма стало бы определенное ограничение свободы слова и совести — не в смысле ограничения прав личности, но в смысле вмешательства в складывание рынка информации и формирование духовной культуры, активного участия государства в их регулировании. Надо сказать, что нынешняя политика власти в области крупных СМИ частично соответствует этому подходу, но остается непонятным, чего в этой политике больше — банального прагматизма или консервативных замыслов. Регуляция

может быть жесткая (цензура, запреты, ограничения) и мягкая (воздействие через финансовые корпоративные рычаги, давление на бизнес и менеджмент, ответственный за нарушение должного порядка, система предупреждений и ликвидации лицензий и т. п.).

В свое время Жозеф де Местр писал, что контрреволюция не противоположна революции, но самостоятельна. Ведь только революционные идеологии строятся по принципу: чем «левее», тем лучше. Серьезный, по-настоящему динамический консерватизм не существует по принципу: чем «правее», тем лучше. Он исходит из конкретной ситуации. Должна ли быть введена какая-то тематическая цензура – зависит от состояния нравов в сфере массовой информации и книгоиздания. Должна ли свобода в одинаковой мере распространяться на все организации, называющие себя религиозными, – это зависит от состояния традиционных конфессий: если они ослаблены, пережили тяжелые времена, то их нужно поддержать в ущерб заезжим миссионерам и изобретенным вчера религиозно-финансовым пирамидам. Должны ли существовать лимиты в отношении свободы перемещения (получения постоянного места жительства) – по всей видимости, они могут быть сняты только при достижении очень высокой социальной стабильности. Должна ли быть армия призывной или профессиональной – это решается в зависимости от комплексной военной доктрины.

Все большие людей осознает абсурдность

существующей системы выборов, в которых отчуждение избирателей от избранников становится катастрофическим. По существу и для власти, и для народа выборы становятся тягостной формальностью, добровольно взятым на себя ритуалом поддержания демократических приличий.

На такие вопросы не может быть «метафизических» ответов, здесь нет однозначного мерила и критерия абсолютного социального блага.

От Думы к Собору⁸

Политологическая фантастика ближнего действия

Сдвиг к неофундаментализму

Русский неофундаментализм – пока туманно просматриваемая, но уже осязаемая государственная идеология, которая позволит по-новому вписаться и в международную ситуацию. Государственность все больше осмысливает себя в качестве носительницы самостоятельной цивилизации, освобождающейся от остаточных явлений «переходного» (постсоветского) периода. Этот сдвиг является не капризом элиты и не капризом электората, а современным и своевременным (скорее даже запаздывающим) ходом в развитии нашей политической системы.

Вообще нужно вести речь о «фундаментализмах» во множественном числе, поскольку можно найти разные фундаменты реставрации и реституции традиционных ценностей. Либо же можно говорить о комплексном неофундаментализме. Главным итогом выборов в Думу я бы назвал наметившийся в государстве Российском сдвиг к именно такому комплексному неофундаментализму, который видит Рос-

---

⁸ Статья впервые напечатана с сокращениями на портале «Русский журнал» 29 декабря 2003 г. Здесь ее текст приводится полностью.

сию более автономной, более дистанцированной от Запада и в этом смысле менее жестко привязанной к внешней политике. Новая политическая система России будет строиться исходя из внутренней политики к внешней, а не наоборот (наоборот было при главенстве идеи «мировой революции», «обгона Америки», натужного «вхождения в круг цивилизованных государств»).

В то же время происходящий сдвиг имеет ярко выраженные внешнеполитические основания. Так, в частности, США все дальше перемещаются в зону идеологического неопундаментализма, подавая тем самым пример всем иным цивилизациям.

Постсоветский (он же постмодерный) период заканчивается, наступает время собственно новейшей русской истории, когда государственность будет находить органичные формы, отвечающие долгоиграющим константам нашей политической и жизнеустроительной культуры. В новейшей политической системе России будут свои крылья, своя голова, свое туловище политического организма, не похожие на западные образцы.

Несмотря на пугающее название, фундаментализмы могут быть определены в широком смысле как серьезное, вдумчивое отношение к традиционным ценностям. Неопундаментализм в отличие от просто фундаментализма строится как преодоление модернистского проекта, как осознание исчерпанности и внутренней опустошенности этого проекта.

Для неофундаменталистов модернизм перестает быть актуальным социально-политическим мировоззрением, уходит «на пенсию» идеологий. Если же он сопротивляется, то сегодня это означает уже не былую здоровую агрессивность, но злонамеренную и ядовитую профанацию, негативную фазу пустотного, паразитического постмодерна, лишённого духовных и идейных ресурсов, цепляющегося за внешние рамки своего существования.

В XX веке русская цивилизация была то и дело вписываема в некий универсальный интернациональный проект (марксистской революции, социал-демократического переустройства мира, «нового порядка» Третьего Рейха, позднесоветского мутирующего двуполярного «сдерживания», неолиберальной глобализации). Могут быть проекты менее масштабные, которые, тем не менее, остаются по своей природе модернистскими: жесткое согласование внутренней экономической политики с институтами Бреттон-Вудс, контроль за нераспространением атомного оружия, соблюдение экологических протоколов, несение ответственности перед институтами, следящими за соблюдением прав и свобод, жесткое участие и своего рода «круговая порука» в антитеррористической коалиции и т. п. Все эти сети еще крепки и могут даже казаться сетями, оплетшими мир (особенно это относится к «антитерроризму»), однако на деле они являются сегодня рудиментами интернационализма XX века. Настоящий неофундаментализм может частично участ-

зовать в некоторых из этих малых модернистских игр, но только на взаимовыгодных условиях и не слишком серьезно. В случае необходимости он проигнорирует мнение как крупных чиновников международных институтов, так и ближних и дальних соседей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.